

Транскрит сессии к-Бесед от 27 мая 2021 года

Тема: к-Беседы о том, что (не) изменилось под влиянием пандемии

ЛАРИСА ПАУТОВА – Всем здравствуйте, начинаем третью сессию мараФОМа. И сегодня мы говорим о разных аспектах пандемической реальности с нашими экспертами, с нашими собеседниками, я их представлю, и Лидия дальше представит. Итак, сегодня мы говорим еще о нашей книге «Социология пандемии», проект «КоронаФОМ». Мы говорим о нашем замечательном медийном проекте «Ковид-19.ФОМ.ру». И мы должны, конечно, представиться – Лариса Паутова, Фонд общественное мнение, Радик Садыков, ФОМ, Лидия Лебедева, ФОМ. Три эксперта, три аналитика нашего замечательного проекта «коронаБеседы».

Итак, за этот год мы провели более сорока индивидуальных и групповых бесед о различных социальных последствиях пандемии, о разных сферах пандемической реальности. Далее мы перечитали тексты, мы переосмыслили тексты, и скоро мы опубликуем новую книгу, правильно, коллеги? И в книге будут ваши тексты, ваши размышления, ваши наблюдения. И в этом плане книга – это абсолютное творчество, коллективное создание. Но самый важный вопрос современности – зачем?

Зачем нужен был этот проект, зачем нужна книга, зачем нужны были беседы, более сорока бесед только с экспертами? Я очень надеюсь, что с нами на связи, и зум показывает, что с нами на связи руководитель Фонда Общественное мнение – Александр Анатольевич Ослон, который расскажет о замысле – и бесед, и проекта «Социология пандемии». Александр Анатольевич, вы нас слышите?

АЛЕКСАНДР ОСЛОН – Да, слышу, добрый день! Надеюсь, меня тоже слышно. Я особенно ничего не расскажу, я хочу, прежде всего, поприветствовать наших дорогих участников и гостей замечательных, спикеров, участников, наших замечательных сотрудников. И буквально несколько слов о том, что же происходит. «МараФОМ» это часть проекта «КоронаФОМ», это коммуникация, это рассказы о том, что мы делаем, и зачем мы делаем. Коммуникация – это этап нашей работы. Частью этого этапа явилась книга, которую я не вижу сейчас на экране, поэтому я держу ее в руках, надеюсь, эту книгу видно – вот она, «Социология пандемии. Проект «КоронаФОМ». Это первая книга из серии «Социология пандемии». Потому что следующие книги – это развитие глав этой книги. Каждая глава – это направление. Одно из этих направлений – это беседы с социальными мыслителями, так мы назвали работу, связанную с разговорами с теми, кто пытается понять, что же происходит. Назвали их «социальные мыслители» для краткости. Это и философы, и социологи, и антропологи, и историки. Это люди в прямом смысле социальные мыслители. И большое количество бесед собраны и уже отраженные в этой главе, этой книге – результат работы. Готовится книга на основе этой работы, и сегодняшняя встреча – это по сути дела часть проекта. Но, конечно же, важно понимать, и для встречи сегодняшней, и для этой работы, и для будущей книги главную рамку, главный вопрос «зачем»? Естественно, на этот вопрос много разных ответов, я предложу свой вариант. И это ответ, мой ответ, на вопрос «зачем» – весь проект «КоронаФОМ». По сути дела, сегодняшняя реальность – она непонятна. Она загадочна. И следуя классике, я бы сказал, что она все более и более заколдована. Попытка понять и разобраться, расколдовать, разгадать эту загадку – очень важна для того, чтобы жить в этой реальности. Но в этой реальности появился фактор, который на порядки усилил эту загадочность. Вирус. Пандемия. И конечно же, главное – социальные реакции на пандемию, по сути дела, изменившую социальную реальность тотально для всех. Что происходит? Разгадка этой загадочной реальности – и есть смысл проекта «КоронаФОМ», в том числе, направления «Беседы с

социальными мыслителями, и прежде всего здесь можно надеяться на то, что появятся мысли и идеи, какие-то просветления в этой загадке.

Я очень надеюсь, что сегодняшняя встреча – шаг в этом направлении. Поэтому заканчиваю, и желаю, чтобы сегодня содержание было сфокусировано по разным аспектам, но было сфокусировано именно на этом главном вопросе. И возможно будут какие-то варианты ответы на этот главный вопрос – это самое интересное. Спасибо, желаю успеха!

ЛАРИСА ПАУТОВА – Спасибо большое вам! У нас есть определенная конструкция сегодняшних бесед, о ней чуть позже расскажут коллеги. Но у нас есть еще такая интересная заготовка, ход в нашем сценарии. Нашим, прежде всего экспертам в зум мы задавали вопрос, который, мне кажется, сейчас очень важен для нас. Потому что на первой стадии пандемии мы в основном говорили о прогнозах и переживали шок, драйв от этой исследовательской реальности. Потом летом, год назад, мы уже были спокойны, осмыслили, сейчас время подводить итоги, социальные последствия, и думать о том, что же мы узнали нового. Поэтому нашим зум-участникам, а я их вижу, мы будем задавать периодически такой блиц-вопрос, и ожидать блиц-ответ. Итак, «я никогда не предполагал (не предполагала), но оказывается, во время пандемии...» И ваш ответ. Лидия!

ЛИДИЯ ЛЕБЕДЕВА – Мы беседовали с людьми разного профиля и специализации, беседовали, выходя на социологический уровень в общении, или углубляясь в индивидуальные, субъективные практики. Наш разговор был построен вокруг одной темы, или затрагивал множество тем. Мы стремились не только прийти к окончательным ответам, сколько сформулировать исследовательские вопросы к тем аспектам пандемии, которые наблюдали мы с вами. И сегодня с нами небольшая часть наших собеседников, но мы с радостью представляем тех, кто сидит с нами в ФОМ-зале. Это Оксана Николаевна Запорожец, социолог и заведующая лабораторией социальных исследований города ВШЭ. Это Петр Сафронов, философ, координатор по развитию образовательных методик «Школы Лето». С нами среди зум-участников есть Марина Безуглова – это исполнительный директор Ipsos, руководитель направления healthcare региона Центральная и Восточная Европа. Это Ольга Борисовна Христофорова, ведущий научный сотрудник «Школы актуальных гуманитарных исследований РАНГХиГС. И наконец, с нами сегодня присутствует Александр Фридрихович Филиппов – ординарный профессор ВШЭ.

ЛАРИСА ПАУТОВА – Он в видеозаписи.

ЛИДИЯ ЛЕБЕДЕВА – Да, у нас с ним видеодоклад. И также мы видим наших участников в зуме. С нами сегодня Анна Андриановна Темкина, Виктор Вахштайн. Спасибо большое, что присоединились. Мы искали язык, на котором можно говорить о пандемии, и о том, с какими ограничениями мы сталкивались на этом пути поиска языка, расскажет поподробнее Радик.

РАДИК САДЫКОВ – Всем здравствуйте! Я всех приветствую! Хочу сказать, что любой разговор, любая беседа о пандемии сталкивается с некоторыми естественными трудностями, которые определяют самую специфику предмета, о котором мы говорим. И прежде всего, важно здесь понимать, что мы имеем дело с незавершенным продолжающимся событием. Пандемия продолжается, повестка ее меняется, и вместе с этим меняется наше представление о том, что происходит, а потому выводы, которые мы делаем, обобщения, на которые мы решаемся, оценки происходящего – они принципиальнее... у нас открыта возможность принципиально осмыслить то, что происходит.

Кроме того, я хочу сказать, что пандемия – это экстраординарное событие, которое является новым для социологии. Социология и вообще социальная наука, если говорить шире – не сталкивались с таким явлением, которое касается всех. И в этом смысле можно задаваться вопросом, вообще у нас, подходя к трактовке происходящего, годятся ли наши

мыслительные инструменты, подходы, перспективы, которые нам достались от предыдущего периода для того, чтобы анализировать то, что происходит сейчас.

Проблема еще состоит в том, что среди различных последствий пандемии важно различать изменения, которые действительно порождены этой пандемией и в этом смысле отражают какие-то в настоящем новые сдвиги, в действительности. И с другой стороны те изменения, которые являются продолжением уже начатых давно трендов, но которые стали заметны, и может быть, стали более актуальны в свете пандемии. Просто в силу того, что наш взгляд, наше зрение стало более острым, более напряженным. Ну и здесь я еще также отмечу коротко, что разнообразие влияний пандемии на действительность отражают ее множественность. На самом деле мы ведь никогда не говорим о пандемии, как о чем-то целом. Этим словом мы обозначаем очень много разных феноменов, очень много разных контекстов. И здесь можно задаваться вопросом о том, как эти все разные контексты, все разные явления сходятся в этом одном понятии, формируя наше общее представление о времени, которое мы называем периодом пандемии, и далее пандемической реальности, как иногда говорят.

Вот о некоторых контекстах, более общих, или более частных, мы сегодня и поговорим.

ЛИДИЯ ЛЕБЕДЕВА – Ну, и конечно самыми очевидными признаками пандемии являются маски, санитайзеры, перчатки, и такое бытовое изменение наших повседневных практик. И многие спорят о том, что они будут знать для будущего социального порядка, и Оксана Николаевна, скажите, пожалуйста, какие наиболее важные изменения происходят в повседневных практиках, и какие долгосрочные последствия они будут иметь?

ЛАРИСА ПАУТОВА – Это одна из базовых тем – повседневность. Новый образ жизни – НОЖ, мы называем это в ФОМе.

ОКСАНА ЗАПОРОЖЕЦ – Хорошо! Кто предупрежден, тот вооружен. Если говорить о изменениях повседневности, я хотела бы обратиться к словам Радика, что повседневность множественна. И невозможно говорить, или не всегда возможно говорить о единости пандемии. Когда возможно мы с коллегами добирались сюда – мы пользовались общественным транспортом, и там, вынужденные надевать маски, мы понимали, что пандемия есть. Выходя на улицы, гуляя по прекрасной весенней Москве, мы понимали, что пандемии нет, потому что мы очень редко видим людей в масках. И таким образом пандемия на сегодняшний момент в Москве в массе других российских городов существует в режиме «включен – выключен», в отличие от многих других городов мира. И вот здесь мне кажется, то очень важно понимать, что пандемия, она реализуется не только через изменения предметного мира, хотя об этом я тоже скажу – через маски, санитайзеры, перчатки и другие ее атрибуты. Но она также реализуется через некоторые навыки, которые мы приобретаем как современные горожане, как те люди, которые живут в настоящее время.

И вот здесь, наверное, я хотела бы сказать о том, как меняет пандемия нашу повседневность, но стоит согласиться с тем, что для кого-то она не меняется никак. Да, потому что для части людей пандемия до сих пор существует в формате медиасобытий, или такого отдаленного мифа – в Москве, других странах и т.д. То есть, конечно, пандемия по мере своего распространения становится частью повседневности все большего количества людей, но, тем не менее, вот ее медийность и отдаленность для какой-то части тоже существует. Я уверена, что наши европейские коллеги приезжают к нам, удивляются такому ходу событий. Кажется, что ничего нет, или этого мало.

Второй момент – как пандемия поменяла повседневность, вот здесь я хотела бы тоже продолжить эту логику, что, безусловно, складывается ощущение, что мы готовились. Потому что существовал ряд технологий, и ряд возможностей, например, в городе, который позволил амортизировать приход пандемии. Потому что до пандемии мы, конечно, сталкивались с очень интенсивными темпами дигитализации – когда много людей

пользовались цифровыми технологиями в своей повседневной жизни. И мы понимаем, что цифровые технологии сделали возможным для многих из нас пережить более или менее спокойно, или как-то адекватно этот период, и быстро встроиться в новую реальность и предать ей какое-то подобие порядка. Например, это очень быстро сделали школьники, это очень быстро сделали студенты, люди, которые смогли себе позволить перейти на удаленку, и работа которых смогла себе позволить.

Таким образом, существовали некоторые остовы в нашей повседневности, на которые наложилась новая ситуация. И вот цифра была одной из них. Но вот здесь мне хочется ли сказать, что мы говорим, что конечно наша реальность изменилась, возможно, она никогда не будет прежней, но не нужно забывать, что что-то уже существовало. И глядя на большие города, например, пространства, которые преобразуются в ковидные госпитали, как это происходит в Москве, в Петербурге, в других городах, то мы можем понять, что это такая ситуация – эластичность наших городов и эластичность нашей повседневности позволяет нам справляться с нынешней ситуацией.

Еще один момент, о котором я бы хотела сказать о повседневности. Конечно, цифра очень сильно структурировала нашу жизнь, но вот здесь мне кажется то, с чем мы не вполне были готовы столкнуться – это с ее негативными эффектами. И я думаю, что до пандемии звонки с банка, из серии «переводили ли вы десять тысяч рублей», получали многие россияне. Но мы понимаем, что пандемия усилила наши навыки как цифровых пользователей. Она не только впустила цифру в наши жизни, это и мошенники, проблемы, хакинг и так далее – я думаю, что они стали частью жизни тоже какого-то количества из нас.

Также в нашей повседневной жизни мы начали понимать реальность цифрового контроля, особенно я думаю, это поняли москвичи во время локдауна, когда для того, чтобы перемещаться мы вынуждены были регистрироваться в электронных системах, и сегодня у наших информантов, например, это рождает законные вопросы, а могут ли быть эти данные сегодня использованы против меня? То есть, вот такой цифровой контроль, который вдруг стал реальностью для очень многих людей – это то, что наши зарубежные коллеги называют «цифровыми поводками». Вдруг это проявилось.

Следующий момент, на который хотелось обратить внимание, потому что я говорила, что пандемия это не только реалии, это еще и некоторые навыки, и вот здесь, наверное, стоит быстро пробежаться по этапам пандемии. И такой первый момент – в начале пандемии, я думаю, мы все очень хорошо вспомнили навыки такого творчества. Мы ощутили себя творцами повседневности, когда, я напомним, раньше был дефицит масок и санитайзеров, потому что пандемия сопряжена с забыванием. Мы очень быстро забываем то, что с нами еще недавно было. И таким образом в начале пандемии дефицит масок, и начинается массовое творчество, кто из чего сошьет себе маску. Из чего приготовить санитайзер. Как преобразуют свою квартиру, не приспособленную под домашний офис, в домашний офис. И таким образом этот навык создавать и имеющегося – это очень важный навык повседневной творческой активности, который стал частью нашей жизни. Но одновременно, если говорить о пандемии, в пандемию возник очень мощный запрос на такую понятность и единственность правил. На стабильность. И мы поняли, наверное, в каком стабильном обществе мы до этого жили. Нам было очень многое понятно, хотя нам казалось, что есть «апсандаунс», но здесь мы поняли, что да, есть понятность. Потому что то носить маски, то не носить маски, то нужны перчатки, то не нужны перчатки. И нужны, за это штрафуют мало того.

Соответственно, мы можем говорить, что возник огромный запрос на стабильность нормы в какой-то момент. И возникло, или укрепилась эта тяга к тому, что исследователи цифровых технологий называют солиюционизмом – что все можно решить. Что есть решение, которое где-то существует, и его достаточно найти. То есть, с одной стороны да, возникает парадоксальная ситуация, люди стали творцами нормы, но они готовы признать,

что этой нормы нет, что это какой-то процесс, когда нужно ее вырабатывать, мы хотим, чтобы врачи лечили, мы хотим, чтобы эксперты отвечали на этот вопрос. Но то, то проявила пандемия – нет ответов. И мы вынуждены создавать их сами, кроя маску, или создавая вакцину. Вот это творчество, как норма жизни, к сожалению, вот эту нормативность, мы не до конца, возможно, поняли, осознали и оценили.

И по мере пандемии да, потому что мы говорим о ее развитии – наверное, возникла некоторая толерантность к разнообразию. Потому что если на начальных этапах могли быть конфликты в совершенно различных пространствах – наденьте маску, не наденьте маску, вы убиваете, вы не убиваете, то сегодня у меня такое ощущение, что произошло либо принятие, либо смирение. И рядом могут находиться люди – кто-то в маске, кто-то не в маске, вот такая взаимная настройка, мы можем предположить, что она произошла.

И, наверное, моя последняя констатация, я перейду от навыков все-таки к какому-то материальному миру – я думаю, здесь мы согласимся, что пандемия сделала видимым и очень ощутимым близкий предметный мир, и человеческий мир. И я думаю, что мы очень хорошо это можем вспомнить на ранних этапах, когда мы боялись, если кто-то боялся ручек двери, турникетов, каких-то прочих вещей. Например, исследование нашей лаборатории, моих коллег, которые связаны с использованием транспорта в Москве, говорит о том, что часть людей перестали пользоваться метро, потому что там слишком много поверхностей, которых нужно касаться во время перемещений. Больше поверхностей – больше рисков. Таким образом, предметный мир – кнопки лифта, ручки дверей, турникеты – он вдруг стал источником опасности, и он вдруг резко стал замечаемым. Я думаю, что те, кто носит очки, меня поймут, потому что зимой, когда мы пытаемся носить маски, наши очки становятся предельно замечаемыми, так же, как и конденсат воздуха на них. Но мы также понимаем, что во время пандемии это, конечно же, связано с ранними ее этапами, особенно стал ощутимым близкий социальный мир, наши соседи, которые стали частью этого мира, а отношения которых, как правило, как показывают наши исследования, развиваются в логике, заложенной до пандемии. То, что было хорошо – стало еще лучше. То, что было – неважно, в лучшем случае перешло в игнорирование, в худшем перешло в конфликты, то есть, пандемия усилила во многом, как показывает наше исследование, те тренды, которые существовали до нее.

Ну, если быть пророком, потому что от социолога очень хотят функцию пророчества – упаси бог, самосбывающегося – то здесь я честно сказать, затрудняюсь, что войдет. Мне хотелось бы от этой функции быть пророком, все-таки ее избежать. Я думаю, что дай бог останется толерантность, это какое-то принятие. Но чтобы мне хотелось бы, что вошло, я переформулирую этот вопрос – мне бы очень хотелось, чтобы в нашу жизнь вошла ценность повседневности, ценность нас как создателей норм, как тех, кто договаривается. Потому что на мой взгляд разговор о будущем и попытка помыслить, каким будущее будет – это попытка убежать от настоящего. На мой взгляд, мы прожили и проживаем очень классное настоящее, и давайте ценить его, и давайте ценить себя в нем.

ЛАРИСА ПАУТОВА – Оксана, замечательная фраза последняя, я подписываюсь, обязательно! Но позвольте мне прокомментировать еще. Вчера в Фейсбуке я спросила своих подписчиков и друзей, а я никогда не думала, но оказывается люди... Люди стали отвечать, что мне очень приятно. И в тему – Юлия Грязнова, пиарщик исследователь АНО «Национальные приоритеты» – «оказывается, люди так быстро привыкают ко всему». Альбина Бисбулатова, это я помню, социальный университет – что «люди могут так быстро осваивать новые навыки – очень, очень быстро, это то, о чем вы говорили. Адаптационный потенциал бесконечен.

ОКСАНА ЗАПОРОЖЕЦ – Да, адаптационный и творческий.

ЛАРИСА ПАУТОВА – Спасибо! С нами моя замечательная вдохновительница – Анна Андриановна Темкина. Я думаю, это не секрет, потому что она сейчас в зоне боевых действий – она в Израиле! Анна Андреевна, это правда?

АННА ТЕМКИНА – Правда. Только боевые действия уже закончились.

ЛАРИСА ПАУТОВА – Мы хотели, чтобы вы прокомментировали новую повседневность, новый образ жизни, НОЖ. Какие ваши наблюдения?

АННА ТЕМКИНА – Спасибо вам большое за приглашение и за внимание, но вот, что было неожиданного, или что было нового, конечно, было всего очень много, но я обращаю внимание только на некоторые изменения. Неожиданностью для меня было то, что мы вдруг начали вести дневники – и я сама, и мои коллеги. Нам надо было как-то справиться со всеми социальными изменениями. Более того, оказалось, что дневники либо ведут, либо готовы вести не только мой самый ближний круг из нескольких человек, а мы нашли 34 человека, исследователей. Это все социальные исследователи, русскоговорящие, за б небольшим исключением, которые живут в России, в Америке, Австралии, Франции, Германии, в общем, мои коллеги. Не только социологи, но социальные исследователи. И все они в этот момент либо уже вели дневники, либо они сказали, когда я спросила, не хотят ли они повести немножко дневник, они сказали «конечно», в общем, они об этом думают, но пока никто не попросил.

И в результате мои коллеги вели дневники довольно долго, это была волонтерская работа, обычно дневники такими не бывают, мы вели их несколько месяцев, мы вели их в несколько этапов. Собрали огромное количество материала, в общем, еще до сих пор он недодуман и недообработан, но, тем не менее. Что из того, что уже переживала не я сама, а как бы переживала я вместе с сообществом. Конечно, сообщество тоже переживало все очень поразному, но, тем не менее, какие-то тренды были заметны в том, что мы описываем в дневниках – мы, участники. Я считаю, что все 34 человека это участники проекта. Я бы сказала так, что дневник стал очень хорошим способом рефлексии, в дневниках, конечно же, ну это довольно банальная вещь, что это в основном люди, которые работают онлайн. Так случилось, нам две возрастные когорты – одни старшие люди моего примерно типа и слоя, а вторые – недавно защитившиеся phd или аспиранты, молодые исследователи на начальной стадии своей карьеры, так получилось. Но, тем не менее, практики были во-первых – очень много одинаковых практик. Это было совершенно одинаково. Совершенно удивительно, что Австралии и Санкт-Петербурге люди переживают одинаковые эмоции в этот момент. Конечно, очень сильно поменялась приватное-публичное. Это настолько банально, что тут надо либо этнометодологически рассказывать о всяких нюансах, как передвигались столы в ванную, или еще что-то. Либо это более-менее понятно.

Второе изменение, которое бросилось в глаза довольно быстро – как наше «бытие» сражается с временем и пространством. Распадаются пространственно-временные координаты. Пространственно-временные координаты – это базовая основа поддержания субъектности и идентичности, и вот мы боремся с этим. Мы пишем в своих дневниках – время уползает, ускользает, время ускоряется, время замедляется, со временем явно что-то происходит. Происходит, конечно, не со временем, а с нашим селфом, с нашей субъектностью, которая привыкла жить в определенных ременных координатах, дисциплинировать себя в них, а тут что-то происходит. То же самое с пространством, которое тоже совершенно все переформатируется, оно опасное, оно безопасное, оно по самым разным критериям рефлексивируется, переформатируется, и осознается.

Ну, и наконец, это, наверное, из того, что касается дневников. Я скажу сейчас, наверное, это будет последнее, но я еще что-то прокомментирую. То, что в наших дневниках очень много эмоций – это абсолютно широчайший спектр эмоций – от страдания до счастья, и тревоги, стрессы, и т.д. То есть, язык очень эмоционализирован, того, что мы сейчас переживаем. Но, кроме этого в наших дневниках было очень много вины и стыда. То есть,

кроме всего прочего мы неудивительным образом оказались моральными субъектами, которые строят себя по отношению к тому, можно нарушать эти правила, или нельзя нарушать эти правила, ну и там есть некоторый набор правил, который интересовал наших участников больше всего, про это сейчас говорить не будем.

Ну и как бы комментарии уже буквально не связанные с дневниками, но с той реальностью, которую я сейчас вижу вокруг себя. Потому что с февраля я нахожусь в Тель-Авиве, я здесь преподаю в университете. И соответственно, во-первых, это страна, в которой пандемии нет, ее больше нет, хотя при всем при этом есть довольно строгие правила того, что маски нужно носить (на улице можно не носить), во всех общественных местах маски носить нужно. Если ты вошел без маски, то либо тебя не пустят, либо тебе окружающие тут же, весь автобус укажет на то, что маску нужно немедленно надеть. Но студентам мы преподаем с Юлей Лернер курс наш, про эмоционализацию публичной сферы в России и в Израиле. И на первом занятии мы дали нашим студентам, это, собственно, аспиранты и магистры, довольно продвинутые, задание написать небольшой фрагмент, как они переживали опыт пандемии.

Конечно, это очень маленький материал, который мы получили. Но, тем не менее, этот материал разительно отличался от того, с которым я работала в России. В нем практически нет чувства вины и стыда, в нем почти нет страданий, в нем вообще очень мало эмоций. Морального субъекта в нем очень мало, но в нем очень много отношения гражданина и государства – то, что очень мало присутствует в наших дневниках. То есть, такое ощущение, что наше коллективное благо в рефлексии отсутствует. То есть, очень много из коллективного блага, можно сказать, локального характера, которое связано с семьей или с профессией, или с ближайшим окружением типа соседей. Но с государством, как бы даже призраком коллективного блага не появляется. Здесь эта тематика доминирует. То есть, что такое «национальное сообщество», что ковид сделал с национальным сообществом, как работали политики – конечно, они работали очень плохо с точки зрения критических студентов – антропологов-социологов. Но, тем не менее, это все время разговор гражданина с государством. То есть, ковид это о гражданах и о государстве.

У нас ковид – это конечно, все гипотезы. Сейчас я бы не взялась их так очень строго доказать, у нас это моральный субъект, а в других ситуациях это гражданин. И на этом я закончу. Спасибо!

ЛАРИСА ПАУТОВА – Спасибо большое! Вы говорили о времени и пространстве, Анна Андреевна, но у нас один участник – Виктор Вахштайн, переключается видимо потом на другой зум, и мы должны вырвать его в нашу реальность, у него шесть минут до следующего зума, это тоже наша новая реальность, Виктор Семенович, вы про повседневность все знаете.

ВИКТОР ВАХШТАЙН – Спасибо большое! Добрый день, уважаемые коллеги, ужасно рад всех видеть, и отвечая в духе «я бы никогда не подумал, что...» наверное, я бы ответил на него так, что я бы никогда не подумал, что после окончания жесткого карантина мы все еще будем с вами собираться в зуме. И, тем не менее, мы это делаем. Я прежде всего хочу поздравить ФОМ с отличной книжкой, и началом хорошей серии, замечательной серии интервью, спасибо всем, кто был к этому причастен! Отдельное спасибо Ларисе и Радику, истинное удовольствие общаться с вами. И я надеюсь, что эта серия, «От пандемии до НОЖа», нового образа жизни, она как-то продолжится.

Что касается новых тем, которые появились у нас благодаря пандемии как у исследователей, об этом уже сказала Оксана, про множественную повседневность, множественную пандемию. Я не знаю, насколько множественна повседневность. Я не уверен в том, насколько множественная пандемия, но то, насколько по-разному люди, которые пытались к ней как-то отнестись как исследователи, за последние два года, попытались ее описать, и насколько это несопоставимые описания, так что очень сложно

узнать в некоторых исследованиях, что-то, что ты находишь в своих собственных исследованиях. Это очень, кажется, стало реальность. И если раньше, условно говоря, мы могли забиться по своим собственным нишам, те, кто занимаются исследованиями повседневности занимаются изучением повседневных практик. А те, кто проводит опросы, занимаются подсчетом цифр, те, кто собирает рефлексивные дневники, интерпретирует то, что в них видят, и более или менее можно было спокойно, называя друг друга коллегами, разбежавшись по разным комнатам, все еще говорить, что это одна большая квартира, и мы все делаем одно общее дело. Но когда у нас с вами появился один общий объект исследования, вдруг неожиданно появилось довольно серьезное обострение наших собственных и теоретических, и методологических противоречий. В том числе непонимание того, одну ли повседневность мы действительно изучаем, и одну ли пандемию пытаемся описать в своих категориях. Соответственно, я, наверное, не буду пытаться предъявить свой собственный образ пандемии, потому что за последние два года все, кто считали себя социологами-этнографами, исследователями – каждый собрал какую-то свою повседневность, доступными ему методами.

И я бы, наверное, просто попытался хотя бы обозначить некоторые общие пространства, в которых мы все еще можем разговаривать, даже используя разные методы. Пандемия как о чем-то осмысленном, чтобы она не стала настолько множественной, что у каждого исследователя пандемия своя, и он гордо удаляется с полученными им эмпирическими данными.

Во-первых, появилось довольно любопытное поле – анализы того, как меняются коллективные представления. Поле анализа коллективных представлений и социальных установок было всегда более-менее стабилизировано, с точки зрения методологии, которая в нем используется. И вот мы, наконец, получаем возможность сопоставить разные объяснительные модели того, почему, например, растет или падает толерантность, опять же, возвращаясь к тому, о чем говорила Оксана. Мы можем попытаться зафиксировать те новые границы приемлемого, которые, например, возникают в отношении кредитодовверия государством. Мы можем, работая с большими количественными опросами это совмещать, и там находить какие-то неоднозначные вещи. Для меня остается загадкой, почему именно в период после пандемии, а точнее, после карантина первого, показатели технофобии, которые мы замеряем, евробарометры, и которые у нас всегда были самыми низкими из всех стран, которые входят в европейский евробарометр, вдруг неожиданно скакнули вверх. То есть, так получилось, что за год у нас количество технофобов с 8% увеличилось до 24%. Как это связано с тем, какими мерами вводился карантин в России, как он поддерживался. Как он воспринимался, с какими другими большими коллективными представлениями, социальными установками это изменение в отношении к технике связано с новой повседневностью пандемической реальности, как вы это называете. Это одно большое поле, где мы все еще можем как-то, работая с цифрами опросов, даже понимая, что опросы наши построены на разных методических основаниях, тем не менее, пытаться искать общие объяснительные модели, которые работают чуть больше, чем на одной выборке.

Второе поле – это поле анализа социальных связей, и здесь как раз невероятный всплеск исследований в области теории социального капитала. Последняя работа, которую я читал, этого года, они как раз уже пытаются показать, как трансформация структуры социальных связей у людей влияет на их готовность к вакцинации. Почему там, где у людей больше социальных связей, с одной стороны, гораздо быстрее происходит заражение, это понятно, более или менее объяснимо, но в то же время там гораздо больше тех, кто в первых числах, в первых рядах идет вакцинироваться. Быстрее заражение, быстрее распространение вакцинационных практик. Это то, что касается объяснения социальных связей, это то, что мы тоже можем искать и сравнивать, при всех своих методических теоретических

разногласиях. И как ни странно, именно то поле, которое казалось бы, должно было быть таким, своего рода универсальным общим знаменателем, поле повседневности, оказался абсолютно расколото. Исследователь, который изучает повседневность, понимает под ней некоторую рутину и нерелексивные практики. Я сейчас имею в виду группу Уайта, из университета Глазго, которые описывают, как изменились спортивные практики в период пандемии, как люди начинают на пробежках обегать друг друга, закладывая огромные повороты, чтобы как-то соблюсти социальную дистанцию на беговой дорожке. Им становится практически нечего обсудить с теми, кто собирает рефлексивные дневники. И вот парадоксальным образом, узорным и парадоксальным – чем более количественными оказываются наши исследования пандемии, тем больше общих точек пересечения и больше общих тем для разговора. И наоборот, чем ближе мы к повседневности, тем больше наши собственные исследовательские выводы выглядят как частные наблюдения, которые не подтверждаются ничем, что могло бы претендовать на некоторую универсальность высказываний. Так что вопрос, наверное, не в том, как будут собираться после пандемии наши города, как будут собираться после пандемии наши привычные каналы мобильности, и даже не в том, как после пандемии будут обратно собираться наши мировоззрения, состоящие из больших коллективных представлений. Вопрос в том, как после пандемии мы с вами будем собираться и пытаться восстановить некоторое общее поле тем для обсуждения, потому что я не знаю, какой реальный эффект пандемия окажет на общество в целом, как это принято говорить у исследователей общественного мнения, но она оказывает довольно серьезное разрушительное, дезинтегративное влияние на поле нашей внутридисциплинарной коммуникации. Спасибо!

ЛАРИСА ПАУТОВА – Мы стараемся поддерживать коммуникацию в гибридном формате, и нам пока нравится этот формант в нашем уютном зале. Есть эксперты зум-пространства, и ютьюб наш работает фомовский. Есть уже комментарии, я думаю, что мы в ходе ответим. Виктор, спасибо большое, удачи вам дальше в зум-пространстве.

АННА ТЕМКИНА – Можно уточнить в Виктора? Совсем, совершенно непонятно, вы говорите о российском сообществе, или международном?

ВИКТОР ВАХШТАЙН – Я говорю о международном сообществе, разумеется, про российское у меня нет никаких иллюзий, там давно просто не было никакого общего поля для обсуждения.

ЛАРИСА ПАУТОВА – Спасибо большое, я рада, что эксперт общаются друг с другом, и мы фиксируем, что первый блок «Наша повседневность» мы немного завершаем, хотя все мы говорим про обыденную жизнь, так или иначе, но наш следующий блок, правильно я понимаю, коллеги? – это политика. И с нами в зум-пространстве Сергей Медведев, историк, публицист, профессор ВШЭ, который дал нам замечательное интервью «В вирусе я вижу возможность выхода из экологического кризиса и починке интерфейса между человеком и природой». Мы говорили про человека, про природу, и конечно, о политике. И Сергей, вам вопрос про политические последствия отношения государства и человека, про биополитику, этот аспект, я знаю, вам очень интересен, и пока вы не ушли на следующее мероприятие, мы очень хотим вас услышать.

СЕРГЕЙ МЕДВЕДЕВ – Добрый день, коллеги! Спасибо за возможность участвовать в этом проекте, мне действительно очень понравилось, что вы сделали, как вы это сделали, приятно было с вами общаться, и книжку тоже хорошо держать в руках.

Вы знаете, я в принципе изучая воздействие пандемии, удивляюсь тому, как мало нового она открыла в нас, потому что пандемия – это очень мощный проявитель и фиксатор, если использовать фотографические метафоры. И она проявила тренды, которые уже были с нами не один год и не одно десятилетие, и она их закрепила, и мне кажется, что они останутся с нами, и никакого постпандемийного мира не будет, мы уже в нем. Пандемия создала новый мир, и никакого отката, никакой точки обратной сборки я не вижу серьезной.

Мы останемся, большинство, на удаленных, вот как сейчас, как бы мы в зуме общаемся, и я думаю, что эта практика в большой степени сохранится. Сохранится прежняя атомизация, и сохранятся новые, но которые планировались на протяжении многих лет, дисциплинарные практики государства. И в частности, в том, что касается России, пандемия проявила, закрепила то, о чем мы говорили в течение многих лет, но сейчас они совершенно явно, выявились вещи. Прежде всего – недоверие гражданина и государства. Государства и гражданина – как раз то, что Анна Темкина говорила, это большая разница в личных дневниках Израиля и России. И вот то, что в Израиле так сильно подана тема некоего политического сообщества, отношения гражданина и государства, в России все идет на такие индивидуальные истории, моральные истории. Потому что эти отношения по большому счету провалились в России. Государство показало на протяжении этого пандемийного года свою очень сильную недееспособность, по очень многим параметрам. Начиная с помощи гражданам, помощи бизнесу, то есть, были заявлены некие политики, были эти одноразовые выплаты, но в целом уровень поддержки общества, уровень поддержки бизнеса был практически несуществующий.

То же самое в отношении медицины. Дисфункциональность медицинской помощи – это то, что люди ожидают видеть от такого мощного государства как Россия, с мощной такой социальной инфраструктурой, унаследованной от Советского Союза, и мощной эпидемиологической политикой, еще идущая от наркома Семашко. Мы тоже видим, как это большие провалы, и особенно четко обозначился этот разрыв между Москвой и остальной страной. То есть, те услуги, которые доступны в Москве, они являются мечтой для жителей большей части территории России. И это, собственно, проявилось в том, как Россия справилась с пандемией, ясно, что сейчас видимо третья волна, все идет на спад, видимо еще этот год будет продолжаться, так как «испанка», в каком-то двухлетнем цикле. Но по цифрам говорят, в России вот эта дисфункциональность отношений человека и государства – она привела к очень печальным цифрам, потому что, если верить цифрам Алексея Ракши – то избыточная смертность близка к 30%, на фоне среднемировых шестнадцать-семнадцать процентов, позади России такие страны как Перу, Венесуэла, Мексика. Но в целом, конечно, вот эта дисфункциональность, она абсолютно скореллирует с тем недоверием граждан государству.

И сейчас это недоверие проявляется в удивительном совершенно парадоксе. Ничего удивительного, если разобраться – недоверие людей к вакцине. То есть, казалось бы, Россия действительно здесь один из таких редких success story создания «Спутника», используя уже имевшуюся платформу. Действительно, по-видимому, создана достаточно конкурентная и эффективная вакцина, и вот этот вакциноскепсис большей части российского населения удивляет. Потому что люди с Запада мечтают получить эту вакцину, стоят во многих европейских странах месяцами на очередь, здесь открыты прививочные пункты – приходи, вакцинируйся, но люди не хотят. И это очень сильное свидетельство того уровня недоверия, недоверия к вакцине, оно обозначает недоверие к государству, предлагающему им эту вакцину. То люди ждут другую вакцину «Эпивак корону», множатся слухи, фейки относительно «Спутника». То есть, здесь интересная совершенно корреляция, мне кажется, между уровнем образования человека и способностью, готовностью вакцинироваться.

Так что, собственно парадокс того, что в России меньше 10%, но сейчас может быть 10%, по последним сегодняшним цифрам вакцинировалось, по сравнению, я уж не говорю израильские 75%, но так больше 50% в США, Великобритании, а Россия на каком-то шестидесятом месте в мире по числу вакцинированных хотя бы первой дозой. И это свидетельство этого обозначившегося недоверия граждан и государства. И здесь еще часть этого недоверия – это то, что выявила вакцина – недоверие к рациональности, недоверие к медицине обозначает недоверие к науке и рациональности вообще. Потому что это,

конечно, по всему миру прошло, но в России мы живем в этом, варимся в котле из конспирологии, из некоего такого фатализма – кому суждено умереть – умрут. То есть, это отношение к собственной жизни, к ценности человеческой жизни, оно еще раз было зафиксировано, особенно на фоне того, я бы сказал, гуманитарного поворота, который произошел в мире. Потому что в большинстве развитых стран в выборе между спасением человека и спасением бизнеса, было выбрано спасение человека. И это тоже следует зафиксировать, об этом следует сказать, что такое человеческий поворот произошел в политике большинства развитых стран. И здесь это говорит о некоей ценности человеческой жизни, которая в том числе подсчитывается, там были такие подсчеты в начале пандемии, сколько стоит средний американец, жизнь американца, сколько стоит жизнь россиянина. И если даже не говорить об этих математических страховых подсчетах, то все равно эта российская низкая ценность человеческой жизни и приоритизация интересов коллектива – это то, что «кому суждено умереть – умрет», то, что говорили, такие дарвинистские, достаточно биологические теории здесь, по этому поводу. Тот же доктор Мясников на этой ниве вполне отличался. Так что это тоже зафиксировало достаточно давний российский тренд, когда человеческая жизнь не ставится во главу угла. Это находит и стоимостное выражение, и это проявилось, в том числе в том, как пандемия разъяла, раздробила наше общество и показала недоверие к государству.

Ну и последнее по части недоверия – в общем, конечно, низкий уровень доверия людей друг к другу, несмотря на замечательные примеры солидарности, которая была, я думаю, все же в целом отсутствие социальной солидарности в условиях локдауна, оно тоже стало совершенно очевидным. Ну, я даже не буду говорить о стычках по поводу, кто носит маски, кто не носит маски, драки в автобусах, доходившие вплоть до убийств в общественных пространствах. Но в целом, как общество, опять-таки повторяюсь, за исключением нескольких случаев, когда люди шли волонтерами, доставлять пожилым и уязвимым группам предметы первой необходимости – Россия не сдала тест на социальную солидарность.

И последнее, о чем я хочу сказать в отношении человека и государства, это то, что государство, наоборот, в отличие от общества, использовало пандемию, чтобы окончательно оформить репрессивный тренд. То, что произошло, та эволюция российской власти, которая случилась в 2020 году – она была запланирована. Да, к ней шло уже в течение последних двадцати лет. Но пандемия невероятно быстро и четко оформила этот репрессивный тренд. И голосование по Конституции, и закрепление персоналистской диктатуры, которая сложилась в России по итогам 2020 года, и весь букет репрессий, и разгром оппозиции. Я думаю, что в таком масштабе этот разгром не планировался в начале 2020 года в Кремле. И то, как он произошел по итогам 2020 года – это последствия пандемии. Потому что мы видим, что нивелирование оппозиции, фактический роспуск оппозиции, ну не знаю, на 50% произошел, благодаря санитарно-эпидемиологическим мероприятиям, открытия различных санитарных дел против оппозиции. И там, где можно собирать большие стадионы по поводу празднования годовщины присоединения Крыма, там же сбор... ну вот последнее, хотя бы, где Земский Собор в Новгороде, который разогнали, срочно приняли закон о том, что нельзя там собираться больше 25, они собрались в группах меньше 25, их все равно разогнали. Вот эта биополитика государства обернулась... не то, о чем писал Фуко, не то, что своей позитивной стороной сохранить, принуждение человека жизни. Хотя в Москве, конечно, в собянинской политике была такая традиционная либерально-европейская биополитика, но в российском случае биополитика обернулась своей репрессивной стороной, то есть, это предлог санитарно-эпидемиологической ситуации был использован для насаждения тотального политического контроля, и абсолютного уничтожения альтернативной политики и оппозиции. То есть, резюмируя хочу сказать, что все это, конечно, было с нами, и к этому шло, но то ускорение,

которые получили эти тренды в 2020 году, оно совершенно замечательное, и я думаю, что это нам еще не один год надо будет осмыслять. И что еще интереснее – нам всем в этом жить. Спасибо!

ЛАРИСА ПАУТОВА – Спасибо, большое! Моя собеседница в Фейсбуке пишет, что до пандемии она никогда не думала, что люди значат так мало и так много. Это созвучно тому, что вы, Сергей, сказали. Спасибо, что были вместе с нами. Мы сейчас запустим видео, которое перекликается с вашими рассуждениями, Александр Фридрихович Филиппов вчера наговорил нам минут пять замечательного текста. Александр Фридрихович, будьте вместе с нами в записи!

АЛЕКСАНДР ФИЛИППОВ – Если говорить самым сжатым образом, мы благодаря решениям не только наших властей, но и наблюдениям за тем, какие решения принимают власти в других странах, а здесь есть, безусловно, определенный параллелизм, и это вообще отдельная, очень интересная тема. Потому что, не стовариваясь, не получая указания на самом деле из какого-то единого центра, потому что ну нельзя ВОЗ всерьез считать принимающим решения центром глобальным. Там могли быть только рекомендации. Тем не менее, власти большинства стран в той или иной форме, с большей или меньшей решительностью, большей или меньшей эффективностью и успехом реализовали одни и те же меры – это то, что совершенно неудачно называется «социальным дистанцированием», хотя это не социальное дистанцирование, карантин, изоляциями, локдауном, хотя слово не русское, но все его теперь уже понимают, и многое другое, о чем мы хорошо знаем.

И то, на что я хотел обратить внимание, и обращал внимание неоднократно, повторяю это еще раз – это то, что у этих решений не было, и так и не появилось, на самом деле, надежного правового статуса. То есть, это меры, которые принимались зачастую диктаторским порядком. Слово «диктатура» я использую технически. Слово, не имеющее никаких других оттенков, ни эмоциональных, ни политических, в смысле приверженности или сопротивления. Это действительно диктаторские меры, которые я называю санитарно-полицейскими, поскольку, собственно, полицейское государство в свое время выросло как раз из санитарных мер, в значительной степени. И полиция занималась во многом обеспечением здравоохранения. Так вот – эти санитарно-полицейские меры, вообще говоря, лишь постфактум, и на мой взгляд, далеко не всегда убедительны были, признаны соответствующими инстанциями, полностью отвечающими праву. И было сказано, что у тех, кто эти меры принимал, есть достаточные полномочия, никаких нарушений прав не произошло. С моей точки зрения это не так. С моей точки зрения это было прерывистое, пульсирующее. В правовом отношении в момент принятия этих мер недостаточно обеспеченное, и соответственно, по своим последствиям недостаточно продуманное чрезвычайное положение, которое де-факто вводилось. Де-факто это опять же не значит, хорошо это, или плохо, это значит, что не были продуманы все правовые последствия. С этим мы сталкиваемся до сих пор, потому что у того, что делалось, были помимо совершенно явных, внятных на какой-то момент эффектов, типа снижения заболеваемости, выхода на плато, ухода с плато, вниз с ухода плато вверх, если что-то делалось не так. Были, очевидно социальные последствия, и социальные последствия мы наблюдаем сейчас.

Собственно говоря, мы можем, с одной стороны, видеть динамику этих мер, которые кажутся сейчас, как мне представляется, несколько более рациональными, более продуманными, что неудивительно, поскольку приобретается опыт, и это очень важно. С другой стороны, в том, что сейчас касается этой вакцинации – мы видим очень интересные последствия того, что было сделано год назад, и продолжало делаться в течение многих месяцев, а именно разрушение многих базовых структур доверия. Которое, как оказалось, в определенный момент можно заменить полицейским принуждением, в том числе, полицейским принуждением, плохо подкрепленным в пропагандистском плане, плохо опирающимся на уже имеющееся доверие. И еще раз я повторяю – в высшей степени

уязвимым, с конституционно-правовой точки зрения. Сейчас, когда возникает ситуация, то, что ситуации, подобные этой, будут возникать впоследствии не реже, а чаще, можно не сомневаться. В ситуации, когда необходимо мобилизовать ресурс доверия со стороны населения, выясняется, что этот ресурс в значительной степени подорван, исчерпан. Причем исчерпан, в той самой важной части, которая касается сферы социальной. То есть, вот этого самого защитного кокона доверия, о котором когда-то писал Гидденс. То есть, того, что связано с доверием к институционализированной экспертизе, к санитарным мерам, к решительным мерам, которые позволяют надеяться, что на каком-то уровне разум, право, мораль и наличие этой основополагающей власти над физическими телами, вот этой монополии на легитимное насилие – они соединяются вместе. Мы видим, что они разъединены. Вот я считаю, что это очень важный урок, и изучать его социологи должны наряду с юристами и другими специалистами.

Я сказал сейчас только о стороне, более доступной для социологов, то есть, этой стороне отношения людей, как у нас говорят, «населения». Отношения по существу нас всех к власти, и это размывание базовых структур доверия. Но я должен сказать, что одновременно созданы массы правовых, исполнительных, санитарных и прочих прецедентов, которые вместе образуют некоторую пульсирующую, но как бы серую зону принятия решений. Потому что для решений в правовом государстве, каковым мы являемся, а значит, и в государстве, где является демонстративно открытым процесс законодательства, принятия, обсуждения решений и многое другое. Безусловно, всегда существует та сторона исполнительной власти, или множество исполнительных властей, которые ускользают из-под обсуждений, из-под контроля, решений де-факто и многое другое. Но в данном случае я говорю не об этой стороне дела, не о тех иногда необходимых, иногда непонятно, нужных или нет, тайных решений, которые принимаются, и о последствиях которых мы иногда узнаем через много лет, иногда и вовсе не узнаем. Я говорю о совершенно других вещах. О демонстративных вещах, и вещах, которые невозможно не видеть, типа перекрытия входа в лесопарки, штрафов за ношение перчаток. Сбой в этой системе социального мониторинга, который облагается чудовищными штрафами, которые впоследствии невозможно оспорить. Это известные всем, это явные вещи.

Я не считаю, что эти случайно возникли, потом случайно исчезнут, или точнее говоря, закономерно исчезнут, и мы снова вернемся в состояние старой нормальности. Наоборот, новой нормальностью является эта фактическая нормальность, прерывающегося и неизвестно где всплывающих зон чрезвычайного положения. Как серый туман, который где-то всплывет, на вас набросится очередная какая-то волна решений, против которых будет протестовать ваш разум, ваше чувство рациональности, ваше понимание права, ваше когда-то еще существовавшее доверие к властям, против чего вы не сможете никогда ничего сделать. Это будет развиваться. В большей степени, в меньшей, но это будет развиваться.

ЛАРИСА ПАУТОВА – Спасибо профессору Филиппову. Тема государства и человека сквозной и очень болезненный лейтмотив всех бесед. Очень много интервью, советую посмотреть их. Евгений Кузнецов и Глеб Кузнецов, Игорь Задорин – так или иначе о свободе, о контроле, о доверии. Эта тема очень важна для наших экспертов. И, прежде, чем мы перейдем к следующему блоку и предоставим слово нашим чудесным оффлайн-спикерам – Василий Черный, Brand Analytics компания, просит комментарий. И я коротко расскажу, что я теперь поняла, кто бенефициар пандемии Это онлайн-бизнес, это онлайн-панели, и «большие данные» в социальных сетях. Вася, вы, говорят, очень много заработали в прошлом году, пока мы все болели. Ваш комментарий, Василий!

ВАСИЛИЙ ЧЕРНЫЙ – Коллеги, всем добрый день! Спасибо за приглашение! Не то, чтобы я нарывался на комментарий, но если можно пару слов скажу. Много заработали? Лариса, приезжай к нам в гости, мы в офисе поговорим об этом, расскажем. Я хотел немножко

рассказать про нашу специфику, как изменились социальные сети в пандемийный год, к чему пандемия подтолкнула в этом смысле, и какие изменения оказались очень неожиданными. Может быть, вы про это слышали, а может быть, нет. Но перед этим скажу еще полтора слова, чуть-чуть про то, что говорилось выше, я с этим как бы не спорю, но немножко, если можно, полутона какие-то добавлю.

Что мы видели по социальным сетям? Про доверие государству спорить бессмысленно, а вот про социальную солидарность я бы не согласился. То есть, то, что мы видим в социальных сетях, мы видим, что горизонтальное доверие сильно выросло. И да, дрались, еще чего-то, ну, знаете, это происходило не только в нашей стране. Люди не везде консолидировано восприняли ситуацию, и там разные точки зрения имели место быть, и выплескивались на улицу в том числе.

Мы видим в социальных медиа, что люди, не увидев должной поддержки, должного пояснения, со стороны государства и исполнительной власти, помогали друг другу сами очень активно. И знания накапливались в онлайн, прям накапливались. Как-то стилизовались, помогали, и так далее. Поэтому с этим тезисом я бы не согласился, по крайней мере, по нашим данным это немножко по-другому выглядело в том канале, который мы видели, скажем так. Это первый момент.

Второй момент – все ли беды от государства? Недоверие к вакцине. Да, мы недавно делали, месяц назад, исследование, показывали, как индекс интереса к вакцинации менялся в течение года – волнами, и действительно последняя волна пошла вниз, интерес в обществе, по нашим изменениям, к вакцинации с февраля начал очень резко падать. Это нас очень взволновало, как и всех, как мы все видим. Это замеряется, это видно. Но смотрите – только ли это следствие того, что у нас с государством все сложилось в эпидемийный год не так, как хотелось бы. Мне кажется, все-таки нет. Не только, скажем так, потому что мы изучали тему, связанную с антипрививочниками и до этого. А она не всегда была связана ровно с этими отношениями. То есть, элемент ментальности, рационализма, фатализма, чего угодно – он есть в нашем понимании. Ну, даже он проявился не только в отношении загадочном к вакцинации, но к той же удаленке. ФОМ работает в гибридном формате, или даже в основном в удаленке. Мы работаем с августа в офисе, и мы наблюдали за всеми перипетиями, мифом об удаленке, что он хорош, он классный, он надолго пришел. И мы постепенно видим откат от этого мифа во всех крупных корпорациях мира. Конечно, удаленка останется, и действительно она помогает какой-то части оптимизировать очень многие разные процессы, но в целом «нет». То есть, ответ на этот миф – нет, а мы очень хотели, чтобы было «да». И это не единственный миф, который мы хотели измерить. Вот сегодня, с чем бы я полностью согласился, это с тем, что это мы слились со смертью, которая рядом в этом году, и продолжает случаться, и случается. Мы не готовы отказываться от бытовых моментов, и т.д., мы не хотим ничего знать. Ни про вакцинацию, ни про удаленку, ни про смерти, если это не коснулось совсем-совсем ближнего круга. Мы хотим выходить на улицу и творить не очень разумные вещи. Поэтому я бы не связывал только с доверием к государству, я бы связывал еще с ментальностью нашей, которую любят замечать и делать ставку на рациональные моменты, а не на рациональность. Но мы видим много разных подтверждений именно этому, не надо винить целиком государство. Я свою жену не могу убедить вакцинироваться. Но между нами государство, есть корочки, ну и все. Не могу. Она кандидат, весьма достойный человек, и очень заслуженный... «Нет»!

Теперь я на свое поле, тут я, может быть, прав, не прав.

ЛАРИСА ПАУТОВА – Василий, Лидия Лебедева пишет мне «время»! Надо чуть-чуть свернуть.

ВАСИЛИЙ ЧЕРНЫЙ – Три тезиса про социальные сети, очень короткие. Кстати говоря, замеряем каждый год позитив-негатив. Негатива не стало больше в целом. Не стало, что бы мы ни думали про себя. Это удивительно, это так. А вот очень важные моменты, не знаю,

как для вас, для нас важные. Число авторов в социальных сетях за прошлый год увеличилось на 30%. Это очень много, такого роста раньше не было очень давно, только в момент становления социальных сетей. Это прямое следствие того, что мы бросились туда искать советов, помощи, и т.д.

Второе – число авторов, я в цифре скажу – 49 млн. активных авторов, не по сильной аудитории актив до 64 млн. – это очень много. И произошло полное перераспределение основных площадок присутствия, к сожалению, по числу активных авторов наши российские соцсети, в частности ВКонтакте, уступили лидерство западным площадкам, в данном случае, выросший на те же 30% Инстаграм. В десять раз по активным авторам вырос Ютуб, и примерно также вырос Тик-ток, Ютуб обошел Одноклассников, и т.д. То есть, произошло полное смещение фокусов наших с вами граждан и пользователей на западные платформы. Причем полностью изменился сценарий взаимодействия, присутствия на этих платформах. А именно – четко аудитория разделилась на вещателей. На блогеров, которые стали более профессиональны, которые взяли на себя во многом миссию СМИ, к которым доверие опять же не выросло, а упало. А 80% пользователей социальных сетей, выросших, стали чисто зрителями. Да, они комментируют, да, они лайкают, они не публикуют свой контент. Это новый социальный телевизор. Социальные сети, мобайл ферст, упрощение моделью взаимодействия – одни создают, другие смотрят – все. Никакого в этом смысле тренда другого мы не увидели. Там много из этого делать много разных выводов, это очень интересный факт. Если это вас заинтересует, может быть, вы к нему вернетесь и как-то для себя осмыслите. Спасибо!

ЛАРИСА ПАУТОВА – Спасибо большое тебе! Ты бы видел, Василий, как поддерживает тебя Оксана Запорожец, она почти на каждый тезис утвердительно поддерживала тебя. Время представить наших спикеров!

РАДИК САДЫКОВ – Наши спикеры в своих суждениях перемещаются с разных уровней конкретики, от эмпирических наблюдений к постановке философских вопросов. И вот сейчас я бы хотел как раз предложить нашему гостю, Петру Софронову, предложить свое философское понимание последствий пандемии, которое мы сегодня имеем.

ПЕТР СОФРОНОВ – Привет все, кто нас слушает онлайн! Я буду выдавать не самые понятные утверждения, а обозначать некоторые проблемы, которые связаны с самим тезисом о том, что мир изменился. Первая проблема – проблема тона, или акцента. «Мир изменился, внимание!» Как в метро «проходите слева, стойте справа». «Как, мир изменился?» – чеховское застревание, растерянность такая. «Мир изменился», не что-то такое мелкое, глобальность научной сцены, или какой-то другой, конкуренция интеллектуалов, связанная с этим. «Изменился ли именно мир»? – Позициональность вопроса в составе, отчасти криминалистический вопрос.

Соответственно, произнесение самой фразы «мир изменился», представляет сценку – мы выбираем, как его сделать, оставляем за собой возможность выбора, и в том числе выбора удержания позиции некоторой «фичи», как говорят программисты, то есть, произнесение этого так или иначе, со своим тоном. Вторая проблема – проблема каузального активизма, который сейчас в нашей дискуссии было блестяще продемонстрировано коллегой Медведевым. Желание захватить каузальность, присвоить себе прерогативу на полное объяснение происходящего в мире в целом, или в отдельной стране. Сделать это абсолютно ясным, даже когда вроде бы ничего непонятно. Желание словом make difference. Но мы-то хотим сделать различие, а мир делает различие? Фабрикует ли мир эти различия, которые мы так легко готовы диагностировать?

Кажется, что в этом каузальном активизме некоторые общества, не только Россия, например, и Англия, превращаются в то, о чем социологи тестирования говорят testing societies – давайте совершать пробы, давайте производить тестирование, давайте, наконец, узнаем подлинные причины всего этого. И вот уже появляются бренд-аналитики, готовые

услужливо предоставить нам как всегда точные количественные данные. Отсюда третья проблема – проблема эмпиризма. Являются ли эти аналитики учеными, какова их вообще позиция, и какая наука сегодня уместно, о чем сказал коротко Витя Вахштайн. Но я бы продолжил его мысль. Допустим, мы решили выступить за реорганизацию этой науки. Нам некогда выбирать, буквально времени нет, но место-то у нас есть, мы все в каком-то месте. Поэтому некогда нам не потому, что мы спешим, а потому, что мы отстали от времени, мы движемся в пространстве, в котором вирус, какой-то нечеловеческий агент меняется заметно быстрее, чем мы сами. Эта ситуация напоминает мне дивный фильм «Автостопом по Галактике». Опа! – И ты уже там, где от тебя ничего не зависит.

Можно ли сказать, что мы находимся в другом времени? Ну, вряд ли, поскольку мы отстали от времени, мы вообще очень медлительны. А может быть, мы оказались после времени, после прогресса, замечательные коллеги из Голдсмита организуют уже второй год одновременную конференцию After Progress. Соответственно, это не новая нормальность, о которой во весь голос говорят урбанисты, или кто-то еще. Это скорее ситуация «все пропало», ситуация из этого фильма «Автостопом по Галактике». Паранормальная ситуация. Не новонормальная, а паранормальная, в греческом смысле «пара», то есть соседствующая с нормальностью, призрачная спектральная ситуация. Ну и, наконец, последняя проблема – проблема аффекта, как воспринять все вот это, когда кто-то отстреливает в тебя цифрами социальных сетей, кто-то кричит о новой нормальности, а кто-то диагностирует понятное ему, ясное, как солнце, происшествие в отдельном территориальном анклав, или мире в целом.

Если эмпиризм стартует с определенных избытков знания, то возможно в данном случае мы сталкиваемся, как раз, с другой ситуацией – ситуацией затрудненного знания, некоторого сбивания с голоса, и говорения не своими голосами. То, о чем мало известно сегодня автор – Дионисий Ареопагит, как-то говорил, как о демонском зле – необузданной фантазии, желании придумать что-то там, где в общем-то ничего еще не просвечивается. Соответственно, если закончить методологическими наставлениями, коль скоро философы всегда отвечают за этот рискованный жанр, то первое – следует поиздержаться от фантазий о будущем, чтобы обуздать свою фантазию, не впасть в демонское зло эмпиризма – «у меня есть цифры, я их вам покажу», или «у меня есть теория, это самая мощная теория». Второе – улавливать сложность отсутствия, разницу между missing absence. Данные, которые пропущены в процессе сбора, и данные, которые намерено стерты, как например, фабрики русских твиттер-троллей в социальных сетях.

Третья вещь – происходит сильная демократизация дискурсивных аппаратов. Великое уединение хижин, читай – испробованных всеми, а не только Хайдеггером. И как воспринять свою материальность не клеткой, не стесняющим, а расширяющим собственные возможности местом – это большой вопрос, во всяком случае, для тех, кто об этом серьезно думает.

Четвертое – распространение химерического, то есть, прямой стык материализации и идеации. В социальных сетях было популярно разыгрывание живых картин, вот вам примеры такого вида химерического дискурса. Ну и вообще в целом не вирус же производит болезнь – вирус является дополнением к чему-то, что существует вне, и помимо него, в том числе, и в нашем сознании. Некоторые «передовые» теоретики называют это «ментальностью», но не будем корить за это.

И, наконец, последнее соотношение – вариативность и комфортабельность. Вроде бы удобно, когда есть много вариантов объяснения, но не очень удобно, когда много вариантов вирусов, а мы еще существуем в этой ситуации. Соответственно, комфортность теперь требует отделения нас от возможности выбирать из многих вариантов. Вот, наверное, все, что можно сказать на скорости плюс два, мне кажется, я справился с этой задачей.

РАДИК САДЫКОВ – Спасибо, Петр, мне кажется, то прекрасное эссе, и полноценная программа для целой серии философских обсуждений на тему. Я думаю, что мы должны двигаться дальше.

ЛАРИСА ПАУТОВА – Хотелось бы, конечно, вопрос какой-то, но я боюсь, что мы увязнем, и у нас замечательная барная стойка, мы потом продолжим разговор в непринужденной манере. Далее мы движемся к Марине Безугловой. От философии пандемии мы переходим в некий образ психологии пандемии. Я надеюсь, с нами сейчас Марина Безуглова, не только исполнительный директор Ipsos, и руководитель большого направления по здравоохранению Ipsos Центральной и Юго-Восточной Европе, но еще и вдохновительница наша своей книгой про благополучие, и свои замечательным телеграм-каналом про благополучие. И уже Черный Василий сказал, что количество авторов выросло, они очень активные. Марина – активный телеграм-блогер, которая поддерживала наше психическое, во всяком случае, мое психическое здоровье во время локдауна. Вопрос, который я уже задавала на прошлой неделе. Мы говорили о том, что ковидный стресс очень заметен, высок, 25% респондентов подтверждает это ФОМ, 12% Института психоанализа. Вопрос даже не о том, что мы боимся, а мы боимся, а что будет дальше с нашим страхом, Марина?

МАРИНА БЕЗУГЛОВА – Спасибо, Лариса. Слушая Василия действительно отметила, что я как раз стала автором телеграм-канала буквально на третий день локдауна, когда решила поддерживать таким образом себя и окружающих людей. Так что да, действительно, статистика – она отражает реальность абсолютно точно. Ну а что касается ментального здоровья, все-таки я могу сказать, что по сравнению с тем шоком, который мы все испытали во время первой волны, и первого локдауна, конечно, у нас сейчас все намного лучше, потому что тогда был острый шок, где смешалось несколько факторов. Это и угроза для здоровья, мы ничего не понимали про вирус, мы сразу поменяли свой образ жизни, и надо было как-то налаживать новую жизнь. И с другой стороны, несмотря на это, как бы самые главные страхи и беспокойства первой волны пандемии, были связаны с беспокойством о своем финансовом положении. О том, что люди теряют заработок, теряют бизнес, и это тоже был фактор стресса, который влиял, в том числе, и на ментальное здоровье. И как раз с первым этим шоком достаточно быстро мы стали справляться, и по данным глобальных исследований, и практически после первой волны. Ментальное здоровье улучшилось существенно, но, как говорят эксперты, оно так и не вернулось к допандемическому уровню. Поскольку есть, конечно, несколько разных аспектов, несколько факторов, на которые повлияла пандемия.

И здесь, конечно же, это могут быть какие-то и экономические проблемы, связанные с рецессией, с реструктуризацией бизнес-процессов, где-то произошли сокращения, где-то наоборот бизнес существенно вырос. Факт остается фактом. То, что многие компании, многие корпорации, уже в конце года говорили о том, об эмоциональном выгорании, о том, что сотрудники испытывают усталость. Очень многие компании стали заниматься и внедрять программы wellbeing в своих компаниях. И это, как раз, такой положительный фактор. Ну, а почему все об этом заговорили – действительно в силу всех этих причин, и первичные причины пандемии, и тех изменений, которые последовали. Действительно, в общем-то, количество вызовов превысило запас внутренних ресурсов, которые есть у человека, и нужно было, и есть – нужно что-то с этим делать. И как также говорят эксперты – по сути, уровень ментального здоровья в принципе не должен был вернуться к допандемическому времени. Потому что на самом деле у нас не очень хорошо было и до этого с ментальным здоровьем. И многие эксперты, и ВОЗ уже давно бьет тревогу, что у нас растут нарушения ментальные. Психические нарушения не психотической природы. То есть, это не шизофрения, не психозы, а тревожные расстройства, депрессия. И ВОЗ к 2030 году прогнозировала, что депрессии займут первое место по числу дней нетрудоспособности, опередив соматические болезни. Стало быть, это уже был тренд,

который касался особенно некоторых групп населения. И что же сделала пандемия? – Она как бы обострила эти тенденции, и в этом плане тоже.

В принципе, и до пандемии такими группами риска, с точки зрения стресса, это были группы «молодежь», «женщины», и «низкодоходные слои населения». Именно они показали ухудшение ментального здоровья во время пандемии.

Из плюсов я могу сказать, что мы, наконец, стали гораздо больше говорить об этой теме. Этой темой очень серьезно заинтересовались корпорации, ученые, и социальные психологи, и нейробиологи. И сейчас очень большое внимание к этой теме. Я думаю, что это как раз может быть, поможет нам этот негативный тренд, связанный с ухудшением ментального здоровья еще до пандемии – может быть, поможет нам его как-то изменить, и начать решать эту проблему. И то, что я вижу в общественном поле – действительно как-то общество быстро реагирует. Если мы говорим о том, что у нас как-то увеличился женский стресс, потому что у нас во время пандемии женщина, как-то мы жили адаптированные в своих гендерных ролях, но когда пришлось перейти на домашний режим, и там на полную ставку... и домашней хозяйкой, на полную ставку сотрудником какой-то компании, то это уже стало тяжело. И посмотрите, как в этом году тема «гендерный вопрос» он стал звучать. Посмотрите на «Евровидение». Кто бы мог подумать год назад, что у нас на «Евровидении» выступит Манижа с песней Russian Woman, которая, в общем-то пытается как-то разрушать женские стереотипы. Это одна история. А я, собственно, вижу с точки зрения маркетинга, как в этом году... я смотрю кейсы «Эффи», долгое время сотрудничаю, член жюри, и насколько тоже увеличилось тоже количество кейсов, связанных с дайверсити. И какие прекрасные кейсы компании «Зева», прекрасный совершенно ролик, связанный, про то, как можно справедливо делить обязанности в семье. Опять-таки это такой деликатный ответ на этот гендерный вопрос, который обострился в связи с теми пандемическими реалиями, которые мы с вами пережили. И вот мне кажется, как раз, что обострение этих тенденций, в том числе, в ментальном здоровье – оно нас подвело к тому, что мы сейчас стали больше обращать внимание на эту тему, и скорей всего будем больше прикладывать усилий для того, чтобы как-то развернуть этот тренд. Ну и еще я бы хотела сказать, что мне кажется очень важным то, что сейчас много всякого разного негативного чего-то говорили о пандемии. Это все имеет место быть.

Я хочу сказать о чем-то хорошем. Мы замечали в прошлом году, что... мы видели много эмпатии, много поддержки, и от людей, и среди людей, и среди компаний, брендов. Было трудно как-то все это померить, как это все можно померить? И опять-таки в этом году, во время конкурса «Эффи», это конкурс в области маркетинга и рекламы, рекордсменом по количеству поданных заявок была номинация Positive Change – это позитивный вклад в общество. И там, на фоне обычной повестки, экологической повестки, было много действительно таких работ, посвященных дайверсети, инклюжн, социальному неравенству, где и гендерные вопросы были. И гран-при в маркетинге получило приложение «Помощь», получил фонд НКО, который создал адресную помощь, приложение, где, собственно, каждый может выбрать себе подопечного, и помогать ему. Это вот Фонд Никиты Кукушкина. То есть, мне кажется, что мы видим какие-то изменения, в том числе и позитивные, в общественном поле, и не могла об этом не упомянуть.

ЛАРИСА ПАУТОВА – Марина, спасибо большое! В этом плане Манижа пела не просто про женщин, она пела про перемены, поэтому вы с ней на одной волне сейчас выступили. Я хочу сказать, что на сайте covid19.fom.ru, будет материал по итогам Грушинской конференции из секции про ковидный страх, ковидный стресс, про посттравматический синдром, там будет выступление Марины. И в действительности тема страха очень важна. И мы передаем далее слово спикерам нашим.

РАДИК САДЫКОВ – Да, но сегодня уже неоднократно спикеры касались темы рационального и иррационального, в реакциях на пандемию, в принятии решений,

относительно вакцинации, или иных обстоятельств. Понятно, что любой человек, сталкиваясь с некоторой неопределенностью, которую рождает в нашей повседневной жизни пандемия, старается найти какое-то, подходящее для себя объяснение, которое позволит продолжить действовать в жизни, решать какие-то вопросы. И эти объяснения не всегда являются строго рациональными, как мы могли видеть, более того, мы увидели огромный всплеск различных мифов, и я хотел бы обратиться к Ольге Борисовне Христофоровой с вопросом, какая мифология возникает в период пандемии, вокруг пандемии.

ОЛЬГА ХРИСТОФОРОВА – Спасибо дорогие коллеги! Я бы сказала, что нет ничего, кроме мифологии, в данном случае. Но начну я с того, что вообще есть на самом деле три реакции на угрозу всего живого – это «прячься», «беги», «нападай». И когда у нас угроза физически явная – это совершенно очевидно присутствует и у людей, и у кого угодно, у любых живых существ. Но когда речь идет о символической угрозе, то здесь немножко сложнее, потому что не всегда очевидно, но символическая угроза вызывает те же самые реакции. Действительно, неочевидно, потому что как убежать, спрятаться или нападать, когда мы не видим эту угрозу, когда она не дана нам физическим ощущением, когда она может быть, сильнее видна, как например, агент болезни, или вирус в том числе – мы его не можем увидеть своими глазами. Или же какое-то привидение из страшной детской истории. Как поступать с ними?

На самом деле оказывается, что когда речь идет об апотерапии, о символических реакциях защиты, профилактики, и ликвидации угрозы, то те же самые стратегии используются. Прятаться, нападать, или убежать. Вот, например, во время пандемии прошлой весной, пока не закрыли церкви православные, было очень много людей, которые приходили, участвовали в церковных таинствах, поклонялись святыням, несмотря на очевидные нарушения санитарных норм при этом. И они стремились получить защиту высших сил, которые, конечно, властны над законами физического мира, в том числе, властны над тем, что несоблюдение санитарных норм ни к чему плохому не приведет. Эта стратегия прибегания к авторитету, в данном случае к сакральному авторитету – это такая попытка спрятаться за ними. Та же самая стратегия, во время пандемии, могла реализовываться в индивидуальных ритуализованных практиках, иногда крайне экзотических. Есть публикации, психологические, психиатрические, где описаны такие кейсы. Например, одна пожилая пара на своем дачном участке поклонялась можжевельнику – приносила ему дары, клали в корни этого дерева и просили о защите от коронавируса. В общем, их сдал их сын, он испугался, что что-то не то происходит с родителями. Но очевидно речь идет о тревожном расстройстве, и ни о чем серьезном, конечно. Еще одна преподавательница читала лекции в зуме, и как-то особенным образом укрыв свою голову при этом, потому что считала, что через зум также передается вирус. Такие примеры можно множить.

Если мы возьмем другую стратегию – нападение – то она тоже может быть по-разному реализована. Прошлой весной было в Ютубе такое видео, где несколько женщин уничтожают цветную распечатку с изображением коронавируса, очень большую распечатку сжигают в ведре. И это конечно, совершенно явный магический акт – уничтожение модели. И это нам, людям рациональным, кажется совершенно иррациональным, но при этом какие-то стратегии, рецепты народной медицины, которые кажутся нам более рациональными, например есть лук, или чеснок в больших количествах, чтобы убить коронавирус. Вообще говоря, тоже относятся к таким же символическим способам защиты через нападение. Я даже бы сказала, наверное, полемически, что отрицание угрозы заражения, это такое «ковид-диссидентство», это та же стратегия символической защиты.

Аналогичным образом, как говорили мне в экспедициях этнографических – «кто в колдовство не верит, тому колдовство не навредит». Также и здесь – «я отрицаю

существование коронавируса, значит, он мне никак не будет заразен». Еще более, я заострю этот тезис. Даже те самые рациональные на общий взгляд, потому что никто не будет спорить, что носить маски, перчатки, не выходить из дома, прятаться во время локдауна – казалось бы это рационально, но в устном дискурсе эти стратегии также подвергались сомнению. То есть, дерационализировались. Потому что есть большое количество рассказов о том, как люди, которые все это соблюдали, тем не менее, каким-то непонятным образом все-таки заразились.

Такая вот получается история, что все эти рассказы, все эти практики, говорят об их мифологизированной, ритуализированной природе. Что отражает, конечно, уровень неуверенности, сомнений, недоверия к власти и официальной медицине, тем более, что официальная медицина, в общем-то, и весной, и даже летом, и даже, может быть, сейчас, не дает однозначных ответов на вопросы о природе, о происхождении, и главным образом, о протоколах лечения. И важно подчеркнуть, что эти символические стратегии можно называть иррациональными лишь на очень внешний взгляд. Для тех, кто разделяет эти стратегии, прибегает к этим практикам, верит в некоторые такие идеи – все это вполне рационально. Логично, что для верующего христианина разумно отстоять очередь и приложиться к чудотворной иконе, и наоборот крайне неразумно не прибегнуть к такой божественной защите. Так что, рациональности здесь у нас так же много, как и повседневности, и т.д.

Второй момент, который я бы хотела отметить здесь – я бы акцентируя уже на те исследовательские вопросы, которые мы поставили, я бы не стала переоценивать экстраординарность угрозы, и экстраординарность реакций на нее. Потому что, конечно, пандемии были в прошлом, конечно, вымирили целые города от чумы, или стойбища от оспы. И вообще-то, конечно, это были какие-то локальные города, локальные, маленькие группы людей, но для них для самих это, конечно, равнялось вымиранию всего человечества. Это было настолько же трагично, эсхатологично, как и у нас сейчас, когда речь идет о глобальном мире. Также точно были такими же стратегии защиты тогда – апелляция к божествам, к духам-хранителям, к душам предков. Также огораживались деревни от эпидемий, как сейчас мы их тоже каким-то образом огораживаем, только другими средствами. Что же тут могло измениться? Можно представить, что некоторая эмерджентность появилась, когда у нас есть глобальный мир, глобальное человечество и поведение людей в целом отличается немножко от поведения каждого отдельного человека. Но это опять же не новость – так было всегда. Мы вспомним коллективные представления Дюркгейма, мы помним то, что каждое индивидуальное сознание отличается от коллективного сознания, и даже наш собственный естественный язык, и другие символические потоки, в которых мы живем, это демонстрирует.

Сейчас над уровнем локальных сообществ есть общее информационное пространство, но все равно люди живут, каждый в каких-то локальных группах, в комьюнити и в своих информационных пузырях. И по большому счету микроуровень, когда для каждого из людей человечество это, прежде всего его семья и его близкие, по-прежнему является основным этот микроуровень. Так что проблема глобальна, а решения всегда локальные. И третий момент, и последний – мы, говоря о том, что нового появилось, и насколько действительно мир изменился, как бы я, как антрополог, говорю о подлежащих каких-то базовых слоях, и мне кажется, что мы говорим не о новых представлениях и практиках, а об актуализации прежних. Например, страх вакцинации от ковида прямо продолжает идти от антипрививочников, которые появились давно. А ритуализованные практики разные, и очень индивидуальные, как раз вот такие, с помощью которых людей оберегают от заражения – они восходят к еще более древним временам, и вполне разложимы на те же самые атомы, при анализе антропологическом. Так что если говорить о каких-то общих тенденциях, то это, на мой взгляд, актуализация латентных представлений, идей, страхов,

по своей сути общечеловеческих, которые всегда находились, и находятся до сих пор под тонким льдом рациональности европейского типа. Я очень надеюсь, что это не будет пессимистично.

РАДИК САДЫКОВ – Ольга Борисовна, большое спасибо! У нас было целых две беседы с Ольгой Борисовной, одна коллективная, другая недавно вышедшая, уже мы общались лично с Ольгой Борисовной.

ЛАРИСА ПАУТОВА – У меня небольшой вопрос. Ключевой лейтмотив экспертных бесед о коронавирусе – это вопрос, кому выгодно, вопрос о бенефициаре, и иногда говорят, что основной бенефициар – это господь бог, потому что люди стали чаще к нему обращаться.

ОЛЬГА ХРИСТОФОРА – Ну, я думаю, что это шутка.

ЛАРИСА ПАУТОВА – Ну конечно, эмпирически это не замерить точно. Но данное исследование показывает, что люди, конечно, во всем мире стали чаще посещать храмы, в том числе, виртуальные храмы. Поэтому я думаю, что здесь, конечно, это время как раз для обращения к смыслам, и здесь это однозначно, эксперт подтверждает, правильно я понимаю?

ОЛЬГА ХРИСТОФОРОВА – Ну да, создаются новые боги, конечно. А вы знаете, что в Индии появился алтарь, специальный алтарь божеству коронавируса, и ему приносятся жертвы, да.

ЛАРИСА ПАУТОВА – Спасибо большое! Итак, мы идем дальше, Лида, командуй!

ЛИДИЯ ЛЕБЕДЕВА – У нас есть несколько еще зум-участников – Игорь Вениаминович Задорин готов ответить на наш вопрос сквозной беседы. Игорь Вениаминович, вам слово!

ИГОРЬ ЗАДОРИН – Здравствуйте, коллеги! Я прошу прощения, я подключился очень поздно, на замечательном выступлении Петра Софронова. Я просто в восторге, спасибо больше! Не знаком был с некоторыми тезисами, но я как раз оттолкнулся от этого. В тех беседах, которые были со мной, в рамках проекта «КоронаФОМ», я отстаивал позицию ковид-диссидента, скептика, ну и общем, весь год пребывал в этом состоянии, довольно уверенным. Но Петр задал еще одну замечательную позицию, которая для меня как раз сформулировалась в ответе на базовый вопрос сегодняшней встречи, как я понимаю, которая звучит так – «я никогда не предполагал, что во время пандемии...» Так вот, я оттолкнулся от того, что Петр называл «эффектом отсутствия», если я правильно понимаю. И то, что на самом деле действительно мало находится в фокусе внимания исследователей. Это не те, которые захватила пандемия, и которые включились во весь этот самый дискурс – бояться, бежать, и т.д. Не те, которые сопротивлялись, типа меня. А те, кого она вообще не затронула. Для тех, у кого мир остался прежним, несмотря на все попытки этого мира, и всех остальных активных субъектов, как-то повлиять. Когда смотрел данные ФОМ в рамках первой волны, меня как раз больше всего привлекали те респонденты, которые в массе своей, если пересчитать население, то это миллионы, которые говорят – «да что, собственно говоря, ничего такого, и как бы нет, я ни на какой не удаленке, работаю на своем металлургическом заводе, как работал. Нет, маски не ношу. Нет ничего, да у нас никто не заболел, никто, тем более, не умер». И этого населения нашего много, оно выпало из внимания и исследователей совершенно напрасно, потому что в этом объекте на самом деле зреет очень много того, что будет влиять в будущем. Потому что это те люди, к которым надо подходить совершенно отдельно и особенно, потому что они не воспринимают тех тезисов, и совершенно, кажется очевидных аргументов, которые присущи фанатам коронавируса, и фанатам пандемии. И вот, это ответ на краткий вопрос о том, что меня удивило – тем, что наше российское общество оказалось, несмотря на все правильные цифры, о которых Марина Безуглова говорила, все-таки ментально более здоровым, чем вообще можно было предположить при таком массивном прессинге информационном. Оно не заболело, как того хотели очень многие те самые, упоминаемые сегодня бенефициары пандемии. Не заболело ни физически, ни ментально. И вот эта здоровая часть

общества, в прямом и переносном смысле, меня очень интересует как социолога, как исследователя, и мне хочется, чтобы эта часть общества перешла из зоны отсутствия, она действительно стала бы присутствовать и в общественно-политическом дискурсе и в исследовательском. Вот кратенько.

ЛИДИЯ ЛЕБЕДЕВА – Спасибо вам большое! А у нас на проводе Хельсинки, мы в рамках бесед проводили международные беседы, у нас были собеседники из США, Борис Докторов, и Юлия Баскакова, и сейчас к нам подключается Лариса Шпаковская.

ЛАРИСА ШПАКОВСКАЯ - Здравствуйте!

ЛИДИЯ ЛЕБЕДЕВА – «Я никогда не предполагал, но оказывается во время пандемии...»
Чему вы удивлялись?

ЛАРИСА ШПАКОВСКАЯ – Я немножко расскажу о своем и профессиональном, и личном опыте. Как и все, уважающие себя социологи – в это время я, вместе со своей коллегой Жанной Черновой, мы тоже стали изучать, как люди переживают пандемию, и у нас было такое исследование про то, как студенты и преподаватели во время пандемии, когда они полностью находились на локдауне, как они переживали это время. Как они перестраивали свои образовательные, учебные практики, как преподаватели страдали, как студенты страдали – это было все. Но я смотрела на это как исследователь. И действительно, когда ты как исследователь смотришь на что-то, то есть определенная дистанция, мы много кого исследуем. Понятно, там есть преподаватели, которым тяжело, они в зуме что-то говорят, студентов не видно, у них стресс и прочие вещи.

Но при этом я параллельно переживала тоже состояние локдауна, причем в довольно комфортных условиях, не было проблем с пространством, была возможность выходить на улицу, гулять, дети находились дома. И я никогда не предполагала, что на самом деле находиться в замкнутом пространстве, постоянно переключаясь между вот этими задачами, что это на самом деле вызывает что-то похожее на депрессию, когда я в какой-то момент поняла, что мне вообще трудно выходить куда-то там. Когда мне предлагали, например, потом куда-нибудь поехать, мне казалось, что это очень сложно, мне было сложно вообще начинать какие-то вещи, и для меня это было действительно крайне удивительно. То есть, сама вот эта ситуация того, что ты заперт в пространстве, ты вдруг как-то с ней даже не то, что свыкаешься, но не видишь потом, что мир, что можно что-то еще делать, что очень сложно оттуда выходить.

И второе, что я поняла, что мы все на самом деле жили в каком-то таком мире, который был такой трансграничный. Мы не жили в Петербурге, в Хельсинки, кто-то в каких-то маленьких городах, коллеги, например, в Швеции – мы жили в некоем глобальном мире, мы постоянно перемещались. То есть, мы были согласны, нам нравилось жить там, где мы жили, только потому, что мы можем все время куда-то ездить. И как только мы перестали ездить – да, мы хотя бы были все подключены к разным социальным сетям, и, в общем, не были отключены от своих друзей, коллег, и все было в этом смысле прекрасно. Но вдруг мы обнаружили, что мы заперты в каких-то вот этих локальностях, и обнаружили эти локальности, которых мы до этого в принципе как таковые не замечали. Или мы их мыслили как часть какого-то единого глобального пространства. Теперь оказалось, что в общем, это не часть никакого пространства, и например, меня это заставило посмотреть на ту локальность, в которой я живу, и как-то ощутить, подумать о том, какую я имею связь с этим пространством, с этим городом, в котором я сейчас, в тот момент находилась. Вот, наверное, это такое мое замечание, мое наблюдение того, как пандемия, этот период повлиял на меня, и чего я не предполагала, что может быть.

ЛИДИЯ ЛЕБЕДЕВА – Спасибо большое, Лариса! Мы завершаем нашу сессию.

ЛАРИСА ПАУТОВА – Но поэтапно. Прежде всего, позвольте все-таки процитировать своих собеседников, переключается с тем, что говорила Лариса, Игорь Вениаминович, в общем-то, все высказывания о новом знании. Можно поделить на несколько частей – говорят о

новом образе жизни, что оказывается, мою работу можно делать и удаленно, и это была для меня очень новая вещь. Но очень много пишут о страхах. То, что мы говорили с Мариной Безугловой, что никогда не думали, что люди так могут бояться, и что один чихнул – десять перепугались. И это очень важный момент, который фиксируют наши собеседники – говорят о смерти, о страхе смерти, о том, что, оказывается, люди так быстро, так внезапно умирают. Это как лотерея – и молодые, и не молодые.

Очень много говорят о том, что легко приспособливаться. Боятся – но приспособливаются. Это тоже очень важный момент. Мне понравилось, что эксперты затрагивали ценности и человеческие качества, о том, что пандемия показала, что добрые люди стали добрее, веселые веселее, злые злее, что, в общем-то, пандемия обостряет то, что в нас были и раньше. И естественно, говорили о конспирологии, о том, что никогда не думали, что оказывается, люди так серьезно поверят, что надо пить горячую воду, лимон, хрен, имбирь и прочие все эти замечательные средства. Я еще узнала, что лук тоже нужно положить рядом с собой, и он спасает от ковида. И вот в принципе, наши эксперты же об этом говорили. Елена Князева, Украина – «я никогда не думала, что если люди перепугаются, то это еще хуже, нежели бы они заболели». «Я не думала, что очень много людей готовы повиноваться», – говорит другой эксперт, Вита Владимирова.

Поэтому мне кажется, что-то мы подобрали, и хорошо бы спросить ФОМ россиян, что они узнали нового о себе и о других. Ну, надо представить нашу следующую сессию, помимо благодарностей, которые чуть позже будут.

ЛИДИЯ ЛЕБЕДЕВА – МараФОМ продолжается, и уже в следующий четверг в этом же зале, и в зум-пространстве соберутся коллеги наши, направления «Корпорации и пандемия» во главе с Еленой Серафимовной Петренко и Екатериной Богомоловой. И обсудят те проблемы и те сценарии, с которыми столкнулись компании, чтобы выжить, чтобы перестроиться, чтобы проявить все свои свойства антихрупкости. Присоединяйтесь к трансляциям в Ютьюб-канале Фонда «Общественное мнение», думаю, это будет очень интересно.

ЛАРИСА ПАУТОВА – Итак, слова благодарности! Весь год мы брали коллективные, индивидуальные интервью, сюда спасибо, и в камеру спасибо! И темы были очень разные, мы сегодня отметили примерно пять блоков, на самом деле это было восемь тем, восемь «корона-бесед», тем. И они развивались, наполняли себя содержательностью мира. Мы вместе с вами росли в высококонцентрированной экспертной среде. Спасибо вам большое за это! И Радик написал замечательную фразу, которую я хорошо озвучила в нашем видеодокладе, про то, что событие может быть осмыслено, когда оно завершится. Но тут вдруг мне показалось, что все-таки, когда оно завершится, это уже придут следопыты, Радик! Придут следопыты, историки, это их работа. А сейчас мы очень аккуратно, внимательно, в зуме, в скайпе, все-таки это обсуждаем явление, и мы творим историю отчасти. Но это очень сложный вопрос, это философ, скорее, здесь сформулирует точнее. Но вдруг подумалось, после того, как мы передали два экземпляра нашей книги «Социология и пандемия» в Политический музей, в специальную экспозицию «История пандемии», мы поняли, что мы теперь исторические источники. Вы уже исторические источники! И по вашим текстам те следопыты буду изучать пандемию. Поэтому вы уже практически памятники вот этой смысловой реальности. Поэтому спасибо вам большое! В принципе, мы создаем реальность и еще раз, слова благодарности!

ЛИДИЯ ЛЕБЕДЕВА – Спасибо вам большое! И мы не только прямо здесь, в реальном времени творим эту историю, извините за столь пафосное выражение, но еще и готовим книгу, в которой действительно все наши собеседники, которые помогали нам всем троим пройти этот сложный этап пандемии, отрефлексировать, понять, как правильно справляться, как выстраивать свою новую повседневность, как ограничивать работу и дом,

мараФОН

заботиться о своем здоровье в четырех стенах. Книга будет в скором времени финализирована, и надеюсь, увидит свет, мы ее презентуем.

ЛАРИСА ПАУТОВА – И будет новая сессия. Нам понравилось, и нас уже не остановить. Я думаю, после моего отпуска, Александр Анатольевич нас поддержит, мы выйдем снова в эфир, в новом уже составе, в зуме, и в нашем уютном зале Фонда «Общественное мнение». Спасибо вам большое, коллеги!